

Раскрылись желанныя губки.
Свѣтлое личико ангела краше.
Вѣютъ и грубютъ тихія сказки...
Полночь крадется.
Темная тѣнь залегла по путямъ и дорогамъ.
Гдѣ-то въ трубѣ и за печкой
Вѣтеръ ворчливо мурлычетъ.

Вѣтеръ... ты меня не покинешь?
Дѣточка... милая...

1902 г.

МОНАШЕКЪ.

Мнѣ сказали, тамъ кто-то пришелъ, въ сѣняхъ стоитъ.
Вышелъ и изъ комнаты, а тамъ, гляжу, — монашекъ
стоитъ.

— Здравствуй! — говорить и смотреть на меня при-
стально, словно провѣрять что-то.

Маленькій монашекъ, бѣленькій.

— Здравствуй, что тебѣ надо?

— Такъ, по моникамъ хожу, — подаетъ мнѣ вѣточку.

— Что это, монашекъ, никакъ листочки!

— Листочки, — и улыбается.

А я ужъ отъ радости не знаю, что и дѣлать. Комната,
рамки и вдругъ эта вѣтка съ зелеными, совсѣмъ-совсѣмъ
крохотными масляными листочками.

— Хочешь, монашекъ, баранокъ турецкихъ, у насъ тутъ
на углу пекутъ?

— Нѣтъ.

— Чего же тебѣ, молочка хочешь?

— Нѣтъ.

— Ну, яблочковъ?

— Медку бы съѣсть немножко.
— Медку... Господи, монашекъ... Я тебя гдѣ-то ви-
дѣлъ...

Монашекъ улыбается.

Крѣпко держу зеленую вѣтку. Листочки выглядывають.

Моя вѣтка, мои и листочки!

Монашекъ стоитъ, улыбается.

КРАСОЧКИ.

— Динь-динь-динь...

— Кто тамъ?

— Ангелъ.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

— За незабудкой.

Вышла Незабудка, заперились синіе глазаки. Принялъ Ангелъ синюю крошку, прижалъ къ теплему бѣлому крылышку и полетѣлъ.

— Стукъ-стукъ-стукъ...

— Кто тамъ?

— Бѣсъ.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

— За ромашкой!

Вышла Ромашка, протянула бѣлыя ручки. Пощекоталъ Бѣсъ вертупшкѣ желтенькое пузичко, подхватилъ себя на мохнатія лапки и убѣжалъ.

ЧЕРНЫЙ ПЪТУХЪ.

Отъ недѣли до недѣли подоспѣло лѣто.

Послѣдняя отлетная птичка прилетѣла до витого гнѣздышка. Зацвѣли бѣлые и алые маки. Голубые цвѣточки шелкового льна моремъ разлились по полю. Бѣлая греча запарошила прямымъ снѣгомъ безъ конца всѣ пути. Встали по тыну, какъ козыри, золотые подсолнухи. Сухимъ золотомъ-стрѣлками затешилась липа, а серебряные овсы и алатырное жито раскинулись и вдаль и вширь; неоглядные, обошли они лѣса да овраги, заняли округъ небесную синь и потонули въ жужжаньѣ и сыти до-жатвенной жажды.

Съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ травки на травку день до вечера перелетаетъ пчелка, несетъ праздники.

И не упасть первой росѣ, а ужъ шелкаетъ, звонко хлопаетъ въ воздухѣ кнутъ, звякаютъ коровьи колокольчики-гонять стада.

А за стадомъ высоко, какъ дымъ, подымается пыль вдоль по улицѣ.

И онѣ чахлыя и заморенныя — Коровья смерть да Веснянка-Подосеница съ сорока сестрами пробѣгаютъ по селу, старухой въ бѣломъ саванѣ, кличутъ на голосъ.

Много ей натворили бѣды—сѣшь ихъ волкъ! — то подь тыномъ прикинется — Подтыница, то на дворѣ пристаглетъ — Навозница, то соскочитъ съ веретена да заскочитъ въ приху — Веретеница, то выскочитъ съ болотной копки — Болотница: имъ бы портить скотину, вынимать румянецъ изъ бѣлаго лица, вкладывать стрѣлы въ спину, крутить на рукахъ пальцы, трасяма трести тѣло.

И не гулянье отъ нихъ ребятишкамъ: не вѣкъ же голорукамъ носить на себѣ змѣиного выполозка.

Но и нечистъ знаетъ чередъ.

Собирается нечистъ знаеми въ полдень къ вѣдьмаку Пахому. — Пахома изба на краю села: тамъ ей пожить, тамъ ей побыть.

Въ курицѣ пѣтухъ залетаеи на насѣсть, схватившись съ мѣста, какъ шальной, кричить по селу. Кричить пѣтухъ бѣлыми ноцъ, несеть змѣйные спорыши, напѣваеи проклятый на голову отъ недѣли до четверга. Самъ Пахомъ-вѣдьмакъ о эту пору въ печуркѣ возится, странаеи въ ребячьего сала свѣчу, — той свѣчей наведеть колдунѣ мертвый сонъ на человѣка и на всякую Божью тварь. Джурка, Пахомова дочка, не смыкая глазъ, летаетъ перепелкой, собираеи золотой грибъ.

Такъ отъ недѣли до четверга.

Въ четвергъ въ полночь на пятницу подымается на ноги все село.

Съ шумомъ врываются въ Пахомовъ курицъ, чадить зажженными метлами, ловять черного пѣтуха.

Изловили черного пѣтуха и съ пѣтухомъ идутъ на другой край села.

Алена верхомъ на рабиновой палкѣ съ мугтовкой на плечѣ, нагая, впереди съ горящимъ уголькомъ, за Аленой двѣнадцать дѣвокъ съ распущенными волосами въ бѣлыхъ рубахахъ съ серпами и коцерами въ рукахъ и другиа дѣв-

нацать съ распущенными волосами въ черныхъ юбкахъ держать черного пѣтуха.

А за ними ватагой и старъ и малъ.

Шумя и качаясь, вышли дѣвки за село, запалили уголькомъ сложенный въ кучу наемъ, трижды обнеси пѣтуха вокругъ кучи.

Тутъ выхватила Алена отъ дѣвокъ пѣтуха и, високо держа надъ головой черноперого, пустилась съ пѣтухомъ по селу, забѣгая къ каждой избѣ, мимо всѣхъ клѣтей съ края на край.

Съ провзательнымъ крикомъ, съ гиканьемъ погнались за ней и бѣлыя и черныя дѣвки.

— А, ай, агу, сгинь, пропади, черная немочь!

Рвется черный пѣтухъ, наливаются кровью глаза, колотится черное сердце.

Обѣжавъ все село, бросила Алена пѣтуха въ тѣлющую наемъ.

Кинули за нимъ дѣвки хвороста, сухихъ листьевъ, — и вспахнулъ костеръ, съ трескомъ зашипели листья и неселись, жукака, какъ красныя жучки, — неселись красныя перья, завивались въ косицы, и красная голова пѣла зиновная пѣсени.

— Сгинь, сгинь, пропади, черная немочь! — скачутъ вокругъ костра хоровадомъ и черныя и бѣлыя дѣвки, притопиваютъ, приговариваютъ, звенятъ въ косы, бьютъ въ чугуны, пока не ухнеетъ красная голова, не зашипитъ укъ больше ни одно красное перышко.

Сонной сохой по селу протянулась дорога бѣлая отъ високаго мѣсяца. На мѣсяцѣ все по-прежнему подымать на видъ Каинъ Авеля.

Шатаясь, шелъ по вымершему селу вѣдьмакъ Пахомъ хватаясь за вереву, дышалъ гарнымъ пѣтушьимъ духомъ.

У Аленина двора со двора въ ночевку бѣжить котъ; ударить его Пахомъ посередь живота, сѣлъ на него, подка-

тивъ, какъ мѣсяцъ, къ окну, глазомъ надѣлъ на Алену хомутъ, шепталъ въ ея слѣдѣ:

— Чтобъ у нея, у миленькой, и синиушка и брющенько краснымъ опухомъ окинулись и съ зудомъ.

Притренилася вѣдьмакъ, помануть зарю, изсякъ, какъ дымъ: волю снимать, неволю накладывать.

Не дождалась Джурка отца, поужинала. Поужинавъ, обернулася въ галочку, полетѣла за рѣчку росицу пить.

Занялася заря.

БОГОМОЛЬЕ.

Петька, мальчонка дотошный, шаладаты куда горазды, увязален за бабушкой на богомолье.

То-то дорога была. Для Петьки вольготно: гдѣ скокомъ, гдѣ впуски, а бабушка старая, ноги большыя, едва духъ переводить.

И страху же натерпѣлася бабушка съ Петькой и онаски,— пострѣлъ, того и гляди, шею свернуть, либо куда въ хорошее мѣсто ткнется, мало ли! Ну, и съѣху было: въ жизнь не съѣлася такъ старая, трахонула на старости лѣтъ старыми костями. Умора давай разныя разности выкидывать: то медвѣди, то козла начеть представлять, то кукуеть по-кукушечьи, то лагушкой заквакаетъ. И озорничалъ немало: напугалъ бабушку до-смерти.

— Пить,—говорить,—сухарей больше, а всѣ съѣлъ, а червяковъ, хочешь, я тебѣ собралъ, вот!

„Вотъ тебѣ и богомолье,—ползти еще не пройдено, Господи!“

А Петька померочилъ, померочилъ бабушку, да вдругъ и подносить ей полную горсть не червяковъ, а земляники, да такой земляники, всѣ пальчики оближешь. И сухари всѣ цѣлы-цѣлехоньки.

Скорѣ иѣся другая пошла. Уморились странники. Ба-

К И К И М О Р А .

На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносый носомъ, съ ужимковъ крещенской маски, затѣйливо Кикимора усѣлась и чистить бережно свое копытце.

— Га! — прыснулъ тонкій голосокъ, — ха! ищи! а шапка вонъ на жерди... Хи-хи! хи-хи! А тотъ какъ чебурахнулся, споткнувшись на гладкомъ мѣстѣ!.. Лебедямъ-молодухамъ ^{и дедамъ} намяла я бока... Га! ха-ха-ха! Я Бабушкѣ за ужиномъ плюнула во щи, а Дѣду въ бороду пчелу пустила. Аукнула — мяукнула подъ поцѣлуи, хи!.. — ^и вся затряслась Кикимора, заколебалась, отъ хохота за тощія животики схватилась.

— Тьфу! ты, проклятая! — отплевывалась прохожій.

— Га! ха-ха-ха! — и только пятки тонкія сверкнули за поле въ лѣсъ, сплетать обманы, причуды сѣять и до умору хохотать.

1903 г.

КОРОЧУНЪ.

Дуло много, — буйны вѣтры.
Всѣ цвѣты привозблекли, свернулись.
Вдарило много, — люты морозы.

Среди поля весь въ хлопьяхъ дровяной дубъ, какъ бѣлый цвѣтокъ.

Катяты и сходятся пухомъ снѣговныя тучи, подползаютъ метелица, порошнить пути, мететь во-всю, бьютъ глаза, застѣвляють: ни входу, ни выходу.

И вѣтеръ Вѣтренникъ, вставая вихоремъ, играетъ по полю, врывается клубами въ теплую избу: не отворяй дверь на морозы!

Царствуетъ дѣдъ Корочунъ.

Въ бѣлой щубѣ, босой, потряхивая бѣлыми лохмами, тряся сивою большою бородой, Корочунъ ударяетъ дубиною въ пень, и звенять злоудія зюзи, скребуть коготками морозы, ажъ воздухъ трещить и ломается.

Царствуетъ дѣдъ Корочунъ.

Коротитъ дни Корочунъ, дней не видать, только вечеръ и ночь.

Звонкія крѣпкія ночи,
Звѣздныя ночи, яркія, все видно въ полѣ.

Щелкають зубомъ голодные волки, ходитъ по лѣсу
злой Корочунъ и реветъ, не попадайся!

А изъ-за пустынныхъ болотъ со всѣхъ четырехъ сто-
ропъ, почуя голосъ, идутъ къ нему звѣри безъ поняту,
безъ завороту.

Непокорнаго—палкой, такъ что сѣкнетъ на-двое кожа.

На измѣнника—семихвостая плетка, семь подхвостниковъ:
разъ хлеснетъ—семь рубцовъ, другой хлеснетъ—четыр-
нацать.

И сыплетъ и сыплетъ снѣгъ.

Люты морозы,—глубоки снѣги.

Съ вечера пѣтухи кричатъ, съ полудня метелица, къ
бѣлому свѣту люты морозы.

Люты морозы,—глубоки снѣги.

Не скоро Свѣту—солнцу родиться, далеко солнворотъ.
Хорошо медвѣдю въ теплой берлогѣ, и въ голову косма-
тому не приходится перевернуться на другой бокъ.

А дни все темнѣй и короче.

На голодную кутю ты не забудь бросить Дѣду пер-
вую ложку,—Корочунъ кутю любитъ. А будешь на Свят-
кахъ радиться, нарядись медвѣдемъ, Корочунъ медвѣда не
сѣбсть.

И! разворчался, тонаетъ, мѣсяцъ катаетъ по небу, сту-
чить неугомонный, Корочунъ неугомонный.

Старый котъ Котофей Котофенчъ, сладко курлыкая, ко-
ротаеть корочуново долгое время,—разсказываетъ сказки.

ЛЮТЫЕ-ЗВЪРИ.

Юрйо Верховскому.

Лѣтніе дни короче—холоднѣе солнце.

Не чирикають птицы, не щиплетъ коростель колосья,
пчелы состроили соты и не блеститъ листъ на березѣ.

Рябина зеленая, въ ожерельѣ поникшая,—красная ягода.

Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, куда ночью водилъ меня сонъ!

— Отчего жъ ты меня не покликала?

— Да мнѣ не страшно,—дастися Лейла.

— Иѣтъ, ты боялась.

— Только немножко.

— А что тебѣ снилось?

— Мнѣ снилось... Я попала на поле, на поливанское поле! Не сухой тростникъ—стоитъ войско, не сѣрая пчелы—летаютъ пули, валятся тѣла, что лѣсные стволы, падаютъ головы, что лѣсные листья, и течетъ кровь—стремнистая рѣчка. А изъ-за крутыхъ горъ страшные грозною тучей

идуть на насъ... И вдругъ будто ночь, я скачу на конѣ—сивый конь, красное сѣдло. Лучатся шпоры, свѣтятся подковки. Я степью скачу—вѣтер шумитъ, наступлю на камышь—огонь свѣраетъ. Черезъ роуцъ скачу—въ роуцѣ падаютъ роса. Вышла на поле—солнце взошло. Солнце взошло!

— А мнѣ спилось, Лейла, будто ты въ колыбели маленькая такая. Взялъ я тебя на руки, вотъ такъ, и понесъ.

— Не урони, Алалей!

Алалей заплѣлъ пѣсню. Подхватила Лейла любящую пѣсню. Пѣли вылетѣть, не замѣтили: на зайца наткнулись.

На межѣ сидѣлъ заяцъ, наостря ухо, чесалъ себѣ спинку.

— Въ роуцѣ рубили деревья, — разговаривалъ самъ съ собою усатый, — воалѣ роуца тесали, увезли на большую дорогу, будутъ строить новую лодку. Но угламъ у лодки будутъ по кукушкѣ.

— А мы будемъ кататься! — обрадовалась Лейла, соскочила на землю къ зайцу.

А заяцъ не выдать ушей—ускакалъ усатый.

Тихо. Тихая погода. Безвѣтріе.

Земляной зеленый лягушенокъ свиститъ свою пѣсню ко-марикамъ тонко.

Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, къ намъ идетъ тигръ!

— Постой, ты гдѣ его видишь?

— Да вовъ, рыжий, лапы медвѣжьи... онъ насъ не тронетъ?

— Да это росомаха — сѣверный тигръ: онъ легокъ, какъ заяцъ, уменъ, какъ дроздъ.

Росомаха не мало была удивлена, слыша разговоръ Алалей и Лейлы. Росомаха догадалась, что имъ понятенъ языкъ звѣрей и птицъ, — былъ, должно быть, змѣнную шапку! — и, не собравшись ихъ трогать, близко подошла къ нимъ и сказала:

— Путники, куда вы идете?

— Къ Морю-Океану, — отвѣтила Лейла.

— Къ Морю-Океану? — переспросила росомаха.

— Да, тигръ, — подтвердилъ Алалей, — насъ отпустить самъ котъ Котофей Котофенчъ.

— Видъ это не очень далеко, а медвѣжьей берлогой?

— У! куда ваша берлога, дашьне!

Росомаха немного смутилась.

— А вы Слона видѣли? — нашла росомаха.

— Какого Слона!

— А тутъ неподалеку, вы никому не сказывайте, живетъ одинъ Слоноъ Слоновичъ. Мы, звѣри, скрываемъ Слона.

— Покажите намъ вашего Слона! — *рада была Лейла.*

— Ужъ и не знаю, — сказала росомаха, пожалѣвши, что эри оболтнула.

— Мы его трогать не станемъ.

— Ну, ладно, — сказала росомаха и повела ихъ Слона показывать.

Долго шли они лѣсомъ, пробирались сквозь чащу, проходили по грядамъ, по гривамъ и золотистымъ мхамъ, перепрыгивали черезъ нивы и колоды, черезъ зашербившіяся пень ели, черезъ поблѣдѣвшій пень березы, черезъ повзевшія пень осины, черезъ покрасѣвшій пень ольхи и вышли въ орѣшникъ.

— Я сейчасъ, я васъ догоню, — сказала росомаха и грѣшнымъ дѣломъ запернула за кустикъ.

И ужъ одни они шли безъ тигра, ципали орѣхи.

А за орѣшникомъ открылась поляна.

Тутъ на полянѣ стоялъ старый престарый Слоноъ съ клыками, весь съ головы обросшій длиною рѣдкою шерстью.

— Здравствуйте! — сказалъ вдругъ Слоноъ и, помахавъ хвостомъ, сталъ медленно поднимать хоботъ.

И не то чтобы испуганнися слонова пальца, а скорѣе отъ неожиданности, воскликнула Лейла:

— Насъ привель къ вамъ тигръ, вонъ и самъ онъ!

Росомаха подошла, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Не надобайте долго Слоу, — шепнула росомаха, —

Слоуъ смириный, какъ рябчикъ, а осердитесь, живо въ клыки.

— Расскажите намъ что-нибудь, Слоуъ Слоновичъ! — стали просить Слона Алалей и Лейла.

— Да, расскажите что-нибудь, Слоуъ Слоновичъ! — под-
дакнула росомаха и опять шепнула: — не дергайте Слона за
хвостъ, Слоуъ не любитъ.

— Про мышъ и сороку, хотите? — Слоуъ улыбнулся и,
взявъ высоко хоботъ, пожевалъ нижнею длинною губою.

Алалей и Лейла, усадившись подъ самымъ слоной хоботъ на
разбросанные кругомъ по полянѣ старые слоновые зубы, приго-
товились слушать. Съ ними на зубы усадились и росомаха.

— Жили-были мышъ да сорока, — рассказывалъ Слоуъ
Слоновичъ, — сорока соръ мететь, мышъ огонь добываетъ.
Такъ и жили. Разъ ушла мышъ за сѣномъ, наказала сорокѣ
щи мѣшать. Сорока стала щи мѣшать и упала въ горшокъ.
Вернулась мышъ, стучить: „Сестрица сорока, отвори, отвори!“
А ужъ гдѣ отворить, если ни лапки! — ничего: все во щяхъ
сварилось. Мышь отыскала щелку, пробралась во дворъ,
отворила сарай, втащила возъ сѣна, сѣно опростала и вошла
въ избу. Вошла мышъ въ избу, вынула изъ печки щи, при-
нялась за ѣду. Попалась ей сорока. Обглодала она сороку
до чиста, събѣжала изъ хребта лодку...

— По угламъ у лодки по кукушки! — перебила Лейла.

— Не мѣшайте Слоуу рассказывать, Слоуъ спутается, —
забѣжала росомаха.

А Слоуъ ужъ спутался и началъ Слоуъ совѣтъ про
другое: то про какой-то хвостъ закоричкой, то про какую-то
свиной полесатую да мерина, какъ пріятели чуть-чуть было
не събли другъ дружку.

Росомаха долго наводила Слона на умъ.

Наконецъ-то Слоуъ опомнился.

— Тутъ ничего нѣтъ смѣшного и смѣяться нечего, смѣ-
ются одни видѣйскіе пѣтухи, — сказали Слоуъ Слоновичъ и
продолжали сказку: — ну, събѣжала мышъ лодку, спустилась
къ рѣчкѣ, усадилась въ лодку и поехала: у песчаного берега
шестомъ отпихивается, у крутого берега весломъ править.
А шесть у ней изъ хвоста выдры, а весло у ней изъ хвоста
бобра. Идетъ зайцъ: „Сестрица мышка, пусти меня!“ — „Не
пущу: лодка мала!“ — „Я на заднихъ лапкахъ постою!“ — „Что
съ тобой дѣлать, иди!“ А потомъ и лиса, а потомъ и волкъ,
вѣй просекаетъ въ мышкину лодку. Мышка всѣхъ и пустила.
Идетъ медвѣдь: „Сестрица мышка, пусти меня въ твою лодку!“
„Насъ самихъ много: ты, косоланый, не помѣтешься!“ —
„Я на одной ногѣ постою.“ — „Иди, что съ тобой дѣлать!“ Мед-
вѣдь усадились, лодка опрокинулась и вѣй потонули.

Слоуъ опустил хоботъ, пошевелилъ пальцемъ слушате-
лей и, махнувъ хвостомъ, сказалъ:

— Ужъ солнце садится, завтра будетъ вѣтрено.

— Благодарите Слона и идите, Слоуъ спать хочетъ,
и вась на дорогу увыведу, — шепнула росомаха.

Алалей и Лейла встали, поблагодарили Слона, погла-
дили хоботъ — хоботъ у Слона Слоновича мягкій! — и тихонько
пошли за росомахой.

Солнце уже скрылось и только на холмахъ все еще
лежало красноватый закатъ — солнце мертвыхъ, словно
разбрызгалась свѣтлая кровь, какъ земляника.

— Болотомъ будетъ идти вамъ страшно, поверните-ка
лучше къ рѣчкѣ, тамъ я и распрощусь съ вами, — сказала
росомаха.

— Почему будетъ страшно?

— А Лобаста!

— Какая Лобаста?

— Да развѣ вы никогда еѣ не встрѣчали?

— Нѣтъ, не встрѣчали.

— А корову съ шишкою на лбу видѣли?

— Нѣтъ.
— А коня съ ногами безъ шерсти?
— Вы, тигрь, намъ про Лобасту скажите! Какая Лобаста?
— А-а испугались! Вотъ она такая Лобаста! Попадете къ ней въ болото, не спустить. Ростомъ Лобаста, какъ эта оспа, тѣло бѣлое, что заячій пухъ, а ручки, словно крылье съ краснымъ когтемъ, словить да этимъ когтемъ, хоть и иѣжевъ онъ, что косяника, а защекочетъ до смерти.

— А мы тише тѣби пройдемъ, она насъ и не словить.
— А жеребенокъ съ соломенными ногами?
— Вы, тигрь, все нарочно! Мы жеребенка вашего не боимся!
— Вонъ и рѣчка,—остановилась росомаха,—инь берегъ-то, словно хвоя, когда висеть на ней соболь.

— Вы, тигрь, такъ знаете много, научите насъ!—уцѣпляясь путники за росомаху.

— Чему же я васъ научу! Мы тигры—звѣрь лютый. Цу, учитесь играть, какъ играетъ плотва, плескаться, какъ плещется ситъ, метаться, какъ мечется щука, широко гулять, какъ гуляютъ лебди, и будьте бодры, какъ изъ!—и, сверкнувъ бѣлымъ зубомъ, побѣжала росомаха въ тѣсь.

А они пошли берегомъ.
Подулъ вѣтеръ. Гудѣло въ рошѣ.
Сѣрия улитки подымали рога—смеркалось.
У пня гусь стоять, вытягивалъ по змѣиному шею.
— Прощай, гусь лапчатый, ты улетаешь? — прощалась Лейла.

— Улетаю,—прокричалъ ей гусь.
— Въ теплый край!
— За синее море.
— Кланяйся, лапчатый,—не забудешь?
— Буду кланяться, буду.

Гусь полетѣлъ: пора собирать гусиную стаю да въ путь отправляться—путь длинный за синее море.

Вашими звѣздами, полетѣли по небу. Голубое небо усеяно бѣлымъ серебромъ—гуляюю конца нѣтъ. Падаютъ звѣзды. Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горносталя, куда ты все смотришь?
— Ахъ, Аладей, па ша лодка плывеетъ!
— Ты гдѣ ее видишь?
— Да тамъ...
— Это не наша, это мышка и на лодка, вонъ сама мышка, вонъ зайца, лиса, волкъ и медвѣдь.

— А наша тамъ—тамъ... По угламъ по кукушкѣ. Они поднялись на холмъ. Развели огонькъ.
Подъ кленомъ въ огонькѣ коротаютъ ночь.
„Мышкиной лодки больше не видно, она утонула. И нашей лодки больше не видно, она утонула въ морѣ“.

— Тихо дуй, вѣтеръ, не качай клена, не буди Лейлу!
„Наша лодка плыветъ теперь по морю. Вывалеть ли счастье на нашу долю или придется намъ плыть по середкѣ, не вида конца, не вида берега, итти отъ волны до волны, не вида конца, не вида берега“?

— Тихо дуй, вѣтеръ, не качай клена, не буди Лейлу!
Тихо спитъ Лейла, руку прижала къ сердцу. Рассыпались русые косы. Ей снится, она въ бѣломъ, какъ невѣста, она сидитъ за бѣлымъ столомъ, какъ невѣста, цвѣтетъ алою розой.

— Тихо дуй, вѣтеръ, не качай клена, не буди Лейлу!
А вѣтеръ-голубь хлопаетъ крыльями, а глаза его полны слезъ: скоро онъ останется въ полѣ одинъ.
Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

1908 г.

МАРУНЪ.

Заморилась ильинская муха, заросла путь-дорога.
Озимое поле вспахали, счастливо засеяли.

Не оттянутся осенней порѣ. Падасть желтый осенній
листь.

Вихорь, прогнавъ полевые вѣтры, сталь на полетѣ.
И мглистое утро окуталось тихимъ дождемъ.
Мгисто и тихо. Боже, какъ тихо!

Или ужъ съ моря вышли бѣлоснѣжныя вѣтровыя сестры—
Буря, Вьюга, Метель, и идутъ къ намъ сестры быстрой рѣкою,
черезъ озера, черезъ гремучій ключъ, по бѣлому камню, по
чернымъ корнямъ, по мхамъ и болотамъ, несутъ стужу съ
вснатьемъ и по пути поднимають погоду и раздувають жел-
тые листья.

— А гдѣ, Алалей, живутъ сестры? *Есть оленя*

— На морѣ, гдѣ-то тамъ, у Студенаго моря. —А давай, у
оленя спросимъ!

— Олень—вихорь-Олень стоялъ у сосны: увидала сосна, раз-
ломанная молніей въ щепы.

— Оленьюшка, —попросила Лейла, —разскажи намъ о вѣт-
ровыхъ сестрахъ, о Бурѣ, Вьюгѣ, Метели!

Зналь Олень про сестеръ, и разсказаль по-оленьи о се-
стриномъ морѣ, и какъ зовутъ островъ, и о царѣ Марунѣ.

Далеко на морѣ—не на Студеномъ, на Варяжскомъ—
есть острова Оланда—скалистый островъ Бурь-бурунъ. Че-
тыре рыбы держатъ островъ: двѣ одноглазныя Флюнды и
двѣ крылатыя Симпы. Царь Бурь-буруна, властитель Оланда—
Марунъ. Тронъ его крѣпкій изъ алаго мха, царскій вѣнецъ изъ
луннаго ягеля, мечъ и щитъ изъ гранита. Сидитъ царь Марунъ
на острой скалѣ высоко надъ моремъ, слушаетъ волны. А
вокругъ его—змѣи, надъ нимъ—альбатросы, и по морю
мимо проплываютъ печальные бѣлые бриги и шкуны. А онъ
недвиженъ на своемъ аломъ тронѣ, лунный, какъ мохъ-
ягель, пасть раскрыта—онъ слушаетъ волны. Никто не взой-
детъ на скалы, никто не ступить на берегъ, никто не обой-
детъ весь островъ, и только безстрашный, вызывающій смерть,
викингъ Сталло, закованный въ сталь, бросаетъ безстрашно
якорь. А царь Бурь-буруна, властитель Оланда—Марунъ не
видитъ ни печальнаго бѣлаго брига, ни альбатросовъ, ни
змѣй, ни викинга Сталло, слѣпой, онъ слушаетъ волны.
Далеко на морѣ—не на Студеномъ, на Варяжскомъ—есть
острова Оланда—скалистый островъ Бурь-бурунъ. Тамъ и
проводятъ лѣтніе дни бѣлоснѣжныя вѣтры сестры Бури,
Вьюга, Метель.

— Сестры ужъ вышли, плывутъ, вѣютъ ненастьемъ,—
провѣщаль вихорь-Олень.

— Я непременно хочу увидѣть Маруна!

— Увидимъ, увидимъ, Лейла.

— И альбатроса, и безстрашнаго викинга Сталло!

— Увидимъ, увидимъ, Лейла.

Куталось мглистое утро тихимъ дождемъ. Падали жел-
тые листья.

Мгисто и тихо. Боже, какъ тихо!

1910 г.

Б О Л И - Б О Ш К А .

Тихо идут по последней тропинкѣ...

Заторъ за неожиданнымъ заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу.

Въ темную ночь имъ зѣрнуть зарница. А далеко за осѣнкомъ зрѣють хлѣба.

Держатся крѣико — рука съ рукою. Кто-то немножко боится.

Страшно, глухо, заказано мѣсто, зарочна тропинка.

Трудно, пройди черезъ степь, черезъ поле, черезъ рѣчку и рѣчку, черезъ болото, трудно выйти изъ темнаго лѣса.

Ватажится лѣшая свора: не хочеть пускать,—такъ не отпустятъ!

А ягоды, грибовъ—обору нѣтъ. Полонъ кузовъ несутъ.

Лѣсовикъ ихъ не тронетъ. Лѣсовикъ пріятель Водному и Полевому. Водной съ Полевымъ имъ, какъ свои,—Лѣсовикъ ихъ пропуститъ.

— Лѣсовикъ, Лѣсовикъ, на тебѣ ягоды: ты—съ лѣса, мы—въ лѣсѣ!

А завтра, когда забрежить и, алѣя, дикая роза—другъ

поводырь — пойдеть, осыпаясь, прощаться, раннимъ-рано расколыхнется завитное Море—Море-Океанъ!

Тихо идутъ по послѣдней тропинкѣ...

Валежникъ и листья хрустятъ.

Тише! Вонъ и самъ Боли-бошка!—Почуэль, подходить: набѣдить, рожонъ!

Весь измодѣлый, карла, квелый, какъ палый листь, птичья губа—Боли-бошка,—вострѣшкой носикъ, самый рупастый, а глаза, будто печальные, хитрыѣ-хитрыѣ.

Была-не-была,—чуръ, не поддаваться! Завететь заторъ Лѣшика въ амбаль-болото, гдѣ самъ чертъ оцупько ходять. И позабытъ имъ про Море.

— Не видали ли, гдѣ я сумку потерялъ?—вкичеть Боли-бошка.

— Нѣтъ, не видали.

— Поищите!—просителъ Лѣшика, а самъ дожидаетъ.

— Что ты!—шепчетъ Алалей вострепелувшейся Лейлѣ,—не знаешь его? Не нагибай такъ голову: у зтого Лѣшики отродясь никакой и не было сужки. Это—нарочно. Вотъ ты нагнешься, некавини, а онъ тутъ-какъ-тутъ, да на шею къ тебѣ, да петлей и стянетъ. И позабытъ намъ про Море.

Лѣсна, узка тропинка. Путаеть папоротникъ. Вспыхиваетъ свѣти-цвѣтъ—волшебный купальскій цвѣтокъ.

— Хочешь, Боли-бошка, ватрушку? — зоветь желанная Лейла.

— Поищите, милые!—тянетъ свое Боли-бошка: то пропадетъ, то стаетъ, ничѣмъ его не прогнать, ничѣмъ не расшухать.

Тихо идутъ по послѣдней тропинкѣ...

Заторъ за неожиданнымъ заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу.

Въ темную ночь имъ зорить зорница. А далеко за осѣкомъ зрѣють хлѣба.

Держатся крѣпко — рука съ рукою. Кто-то немножко боится.

— А Море,—бьется сердце у Лейлы,—а Океанъ не замерзаетъ?..

— Нѣтъ, моя Лейла, оно никогда не замерзнетъ, не проволнуетъ волна: море и лѣто и зиму шумить. Непокорное—пескомъ его не засыплешь, не перегородишь. Необъятное—глубину не извѣдаешь и слезой не наполнишь. Море бездонно, безкрайно—обкинуло землю. А разыграется дикое—тошнить. А какія на морѣ водятся рыбы! Какія по Морю летаютъ бѣлогрудыя птицы! И береговъ не видать. А корабли одинъ за другимъ уплываютъ неизвѣстно куда...

— И мы поплывемъ?

— И мы поплывемъ. Морского царя увидимъ, крылатаго Змѣя увидимъ...

— А ежикъ, про котораго дѣдушка сказывалъ, онъ насъ не съѣстъ?—и глаза-ненагады синѣютъ, что море.

Скоро-скоро забрежжитъ. И пойдетъ, осыпаясь, процаться дикая роза—другъ-поводырь.

Легкій вѣтеръ ужъ вѣетъ. Тамъ Моряна волны колышетъ.

И, ровно колоколѣ бьетъ, Море—непокорное, необъятное Море-Океанъ.

1908 г.